

МОЯ ТРИБУНА — МОЙ ТЕАТР...

Каждая профессия испытывает человека на право заниматься ею. И чем осознанней и настойчивей был путь к ней, тем серьезней каждый экзамен, тем весомей отдача ждет от тебя дело, которому ты служишь...

Актер — не профессия, а состояние души, на которую не наложишь запреты. Она собьет их, как по весне река сбивает ненадежные мости.

Семейный совет решил строго: «Никаких «артистов». Старшие — семье братьев и сестер — не морочили себе голову, так все людьми стали. И ты, Джеренка, в родном Тедже без дела не останешься».

В поездке, когда обидя поостыла, Огульдженер Дурдыева корила уже себя: знает, не смогла убедить, доказать домашним, которые, конечно же, добра ей желают, что выбор сделала осознанно. Что это не дань модному поветрию, не завороченность «красиво и жизненно», «вечным праздником» театра. Словом, сама не смогла отстоять права на первый самостоятельный шаг. А ведь они бы поняли и своей верой прибавили бы сил.

Но вот и театр — от вокзала ведь тут два шага. — Да, Сола Мурадова уже пришла, — отвечает вахтер. — А у тебя, дочка, что к ней за дела?..

— Мне очень, очень надо... и только красненький платочек мелькнул.

Сола Мурадова говорила вроде о другом. Вспоминала времена, когда еще молодой учительницей, после педагогического технику-

ма, ездила по аулам, записывала детей в школу. Как чудом сплелась от бандитского ножа — мести за то, что учила людей грамоте. Рассказывала, как шарахались в стороны старики и старухи, как камни в спины летели, когда шли по улице Сурай и Сола, ставшие первыми артистками — туркменками.

Этот разговор, закончившийся приглашением попробовать себя в учебной студии при театре, стал очень важным уроком для Огульдженер. Она, конечно, разглядела «второй план» беседы с народной артисткой СССР: правоту доказывай делом. Упрямым, не дающим тебе ни поблажек, ни передышек.

— Бегу на киностудию, — увидев пужную «маршрутку», помахала Джерей цветастой varejкой. — Я там в дубляже... Новый фильм...

Жажда прикоснуться ко всему, что дает возможность ощутить себя актрисой, в Дурдыевой неутолима. Хочется не знать передышек и спокойствия на этом пути. Хочется, чтоб не хватало времени, чтоб день был наполнен любимой работой до предела.

В студии — счастливые три года! — она этим «выдала» себя сразу. Огульдженер была в зале, когда ренетировали оба состава актеров и, пожалуй, все пьесы знала наизусть. Ее портфели были неподъемными от книг по искусству.

Тогда Огульдженер получила высшую для студийцев «отметку» — право выйти на профессиональную сцену театра. Это значит: утром — репетиции, днем — учеба, вечером — спектакль...

Дебют Дурдыевой был работой, ответственной для всего театра — образ Аннагуль, главная роль в спектакле по пьесе Б. Сейтакова и М. Сейитниязова «Девичья дань». Рукопожатие коллег — вот что было самой большой наградой. Теплотой и искренностью сумела наполнить актриса

образ героини. После этой удачи она уже прочно «вписалась» в основную труппу. Была Майса в постановке «Невеста идет» Т. Эсеновой, Ельдас в «Волшебных узорах» Б. Аманова. А в «Бунте невесток» С. Ахмеда, помимо всего прочего, понадобилась еще и отвага: пришлось срочно заменить заболевшую исполнительницу...

Театр — это так же просто и так же сложно, как жизнь. Так можно сказать, чуть перефразировав слова А. П. Чехова о медицине.

Простая и сложная жизнь театра готовит актеру немало испытаний — взлетами и неудачами, окрыленностью и разочарованием. Чередование их, вероятно, неизбежно в этой профессии, как у человека не бывает одного только радостного настроения.

Но полосами этими можно управлять: стимулировать рост, препятствовать творческой пассивности. Очень многое тут зависит от внимания к актеру; заинтересованности в его судьбе. Огульдженер особенно ясно поняла это во время работы в Ташаузском областном музыкально-драматическом театре. В труппе их было семнадцать комсомольцев, недавних студийцев. А вот интересными сценическими работами похвастать могли немногие. Это расхолаживало, «приучило» кое-кого с прохладцей относиться к делу.

Поэтому, когда в общедипломной комнате комсорга Дурдыевой началось собрание, равнодушных быть просто не могло. Ведь к профессии, которая многим сейчас приносил в «актив» одни нули, они пришли через сито жесткого конкурсного отбора, беспощадный отсев «за профнепригодность» во время учебы.

У самой же Огульдженер авторитет комсорга был уже тогда крепок авторитетом удачных ролей, сыгранных на ташаузской сцене: в спектаклях «Бай и батрак»

Хамзы Ниязи, «Невеста идет» Т. Эсеновой и других. Но, как и сейчас, ее волновал КПД обучения в студии, подготовка актерских кадров. Она думала о том, что процесс омолаживания, преемственности поколений для театра так же естествен, как и для жизни...

Тогда комсомольское собрание решило выйти в руководство театра с предложением о постановке внеплановых спектаклей с участием молодежи, о более внимательном отношении к бытовым условиям вчерашних студийцев. Но, конечно, в первую очередь к себе отнестись с позиций самокритичности.

Вскоре Огульдженер пригласили работать в Ашхабад. Через некоторое время, навестив подруг в Ташаузе, узнала, что из семнадцати лишь единицы остались в театре. Остальные же, испещрив трудовую книжку печатями всевозможных контор и организаций, к которым так и не приспособилась их актерская сущность, остались за рамками профессии. И какую-то подсудную вину чувствует она, как человек совесть и долг, перед теми, кому так и не успела помочь.

Вот почему, как на спасение утопающего, бросилась она на помощь Джахан Кулиевой, разувверившейся в своих силах, решившей бросить студию. Теперь вместе они выйдут на сцену в постановке пьесы Ж. Б. Мольера «Лекарь поневоле».

Вот почему так взорвалась — с горечью и обидой, — узнав, что молодых актеров для нового туркменского фильма известный кинорежиссер ищет... в Кишиневе.

Вот почему, уже возглавляя комсомольскую организацию ведущего театрального коллектива республики, Дурдыева шла с волнующими ее вопросами на городскую комсомольскую конференцию.

Е. ПРИХОДЬКО.